

АЛЕКСЕЙ ТАРАСОВ

Метаморфозы

Новая история
философии

А Л Е Т Е Й Я

Тела мысли

Алексей Тарасов

**Метаморфозы. Новая
история философии**

«Алетейя»

2023

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

Тарасов А. А.

Метаморфозы. Новая история философии / А. А. Тарасов —
«Алетейя», 2023 — (Тела мысли)

ISBN 978-5-00165-693-7

Это книга не о философах прошлого; это книга для философов будущего! Для её главных протагонистов - Джорджа Беркли (Глава 1), Мари Жана Антуана Николя де Карита маркиза Кондорсе и Томаса Роберта Мальтуса (Глава 2), Владимира Кутырёва (Глава 3). «Для них», поскольку всё новое - это хорошо забытое старое, и мы можем и должны их «опрашивать» о том, что волнует нас сегодня. В координатах истории мысли, в рамках которой теперь следует рассматривать философию Владимира Александровича Кутырёва (1943-2022), нашего современника, которого не стало совсем недавно, он сам себя позиционировал себя как гётеанец, марксист и хайдеггерианец; в русской традиции - как последователь Константина Леонтьева и Алексея Лосева. Программа его мышления ориентировалась на археоавангард и антропоконсерватизм, «философию (для) людей», «философию с человеческим лицом». Он был настоящим философом и вообще человеком смелым, незаурядным и во всех смыслах выдающимся! Новая история философии не рассматривает «актуальное» и «забытое» по отдельности, но интересуется теми случаями, в которых они не просто пересекаются, но прямо совпадают - тем, что «актуально», поскольку оказалось «забыто», или «забыто», потому что «актуально». Это связано, в том числе, и с тем ощущением, которое есть сегодня у всех, кто хоть как-то связан с философией, - что философию еле-еле терпят. Но, как говорил Овидий, первый из авторов «Метаморфоз», «там, где нет опасности, наслаждение менее приятно». В этой книге история используется в первую очередь для освещения резонансных философских вопросов и конфликтов, связанных невидимыми нитями с настоящим в гораздо большей степени, чем мы склонны себе представлять сегодня. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 1(091)

ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-00165-693-7

© Тарасов А. А., 2023

© Алетейя, 2023

Содержание

Exordium	7
Глава 1	18
Эпидемия аутизма	19
«Тёмные» истоки аутизма	26
Мода на аутизм	28
Аутизм = Солипсизм?	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Алексей Анатольевич Тарасов

Метаморфозы. Новая история философии

© А. А. Тарасов, 2023

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2023

*Моим родителям,
Анатолию Михайловичу и Светлане Ильиничне,*

IN MEMORIAM

*Ныне хочу рассказать про тела,
превращённые в формы новые.*

Овидий, «Метаморфозы»

Я вовсе не утверждаю, что мои размышления о сущности человека и его мифа – последнее и окончательное слово, но, на мой взгляд, это именно то, что может быть сказано в конце нашей эры – эры Рыб, а возможно, и в преддверии близящейся эры Водолея, который имеет человеческий облик.

Юнг К. Г., «Зло стало определяющим в этом мире» (из книги «Воспоминания, сновидения, размышления»)

Exordium

Введение

Это книга не о философах прошлого; это книга для философов будущего! Для её главных протагонистов – Джорджа Беркли (Глава 1), Мари-Жана-Антуана-Николя де Карита маркиза Кондорсе и Томаса Роберта Мальтуса (Глава 2), Владимира Александровича Кутырёва (Глава 3). «Для них», поскольку всё новое – это хорошо забытое старое, и мы можем и должны их «опрашивать» о том, что волнует нас сегодня.

Жизнь Джорджа Беркли (1685–1753), англо-ирландского философа, представителя классического британского эмпиризма, священнослужителя англиканской церкви Ирландии чётко делится на три периода: 1) с момента своего рождения в 1685 году до 1713 года (когда он переехал в Лондон) жизнь Беркли была сосредоточена в Ирландии; 2) в 1713–1734 годах, хотя он время от времени возвращался в Дублин, по большей части Беркли либо жил в Лондоне, либо много путешествовал – по европейскому континенту, или по Северной Америке, где он прожил три года в Ньюпорте, штат Род-Айленд; 3) в 1734–1753 годах Беркли вернулся в Ирландию, живя главным образом на месте своего епископства, в Клойне. Однако в самом конце своей жизни он со своей семьёй отправился в Оксфорд, чтобы быть рядом со своим сыном (тоже Джорджем), который там учился. Именно в Оксфорде умер Беркли, там он и похоронен. В каждый из этих периодов Д. Беркли очень много писал и публиковался. А писал он для аудитории начала XVIII, но не XXI века. Поэтому мы не можем просто взять в руки работы Беркли и прочитать их сходу с ясным пониманием. Даже то, что считалось философией в начале XVIII века, разительно отличается от сегодняшнего понимания. Сами слова, с помощью которых Д. Беркли выражал свои идеи, мы обычно уже не используем. Он жил и выражал свои мысли в принципиально иной культурной и социально-политической среде. Более того, он считал, что его работы бросают вызов вообще любому читателю, даже его современнику, полностью погружённому в культуру, существовавшую на момент написания его книг. Поэтому, например, в предисловии к «Трактату о принципах человеческого знания» (1710) Беркли открыто призывает своих читателей: «...[Я] считаю нужным просить читателя воздержаться от суждения до тех пор, пока он не окончит вполне чтение всей книги с той мерой внимания и размышления, каких, по-видимому, заслуживает его предмет. Ибо хотя в ней есть некоторые места, сами по себе весьма способные (этому уж не помешаешь) породить большие недоразумения и показаться приводящими к нелепейшим выводам (которые, однако, при полном прочтении окажутся не вытекающими из посылок), так же точно, хотя бы чтение и было вполне доведено до конца, при беглости его всё же весьма вероятно, что смысл сказанного мною может быть не понят; но я льщу себя надеждой, что для мыслящего читателя он окажется совершенно ясным и понятным». Естественно, никому не понравится, если ему скажут, что он неправильно понимает то, что прочитал. Но такой совет особенно полезен в качестве противоядия одного из главных пороков нашей современной культуры – клипового мышления, то есть склонности мыслить лишь маленькими фрагментами и с помощью легко формулируемых аргументов.

К моменту начала революции 1789 г., маркиз де Кондорсе (1743–1794) занимал привилегированное положение в обществе, ведь уже в 25 лет он стал известным математиком, с 32 лет был бессменным секретарём Академии наук, являлся членом Французской академии и инспектором по монетным дворам. Был даже членом Императорской Санкт-Петербургской академии наук (с 1776 по 1792 год). Друг Вольтера и Д’Аламбера, он считается последним из энциклопедистов. Его знала вся Европа эпохи Просвещения. Он был связан с самыми блестящими умами того времени. Ученик Тюрго, он пережил вместе с ним его реформы и немилость с его стороны. У него был счастливый брак с прекрасной и остроумной Софи де Груши

(1764–1822). И вот этот удовлетворённый во всех смыслах человек был ещё и страстным борцом за справедливость, против рабства и торговли людьми, за признание гражданства протестантов и евреев, против смертной казни, единственный, кто требовал полного равноправия для женщин. Неудивительно, что с самого начала Революции Кондорсе включился в политическую борьбу, одним из первых высказался за Республику, предложил свой знаменитый план общественного образования, который даже столетие спустя вдохновил основателей республиканской школы во Франции, как депутат Конвента отказался голосовать за смерть короля и разработал самый демократичный на тот момент истории человечества проект Конституции. Обвинённый в июле 1793 года «в заговоре против единства и нераздельности Республики», он скрывался от ареста в Париже у своих знакомых и сторонников до марта 1794 года, когда был схвачен. В изгнании и затем в тюрьме он и написал свой «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (1795), своё главное произведение. Кондорсе был найден мёртвым в своей камере 29 марта 1794 года. Он потерпел политическую неудачу, но не интеллектуальную!

Английский священник и учёный, демограф и экономист Томас Роберт Мальтус (1766–1834) также был почётным членом Императорской Санкт-Петербургской академии наук (с 1826 года). Мальтус получил образование в колледже Иисуса (Кембридж), где его наставником был Уильям Френд, в свою очередь, ученик Уильяма Пейли, христианского утилитариста, «духовного бентамита». Здесь он стал стипендиатом по математике. То есть, как и Кондорсе, Мальтус был «продвинутым» в этом плане. Он находился под влиянием «великой и последовательной теории» и «бессмертного разума» сэра Исаака Ньютона, чьи «Математические начала натуральной философии» (*Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica*) он читал на латыни. По окончании колледжа Мальтус стал диаконом, а впоследствии архидиаконом (викарием) англиканской церкви. К 30 годам будущий викарий пришёл к убеждению, что ответы, которые он искал, можно найти не только в Библии, но и у Адама Смита в его «Богатстве народов» (1776). Мальтус всегда хотел увидеть применение того, о чём он писал или читал лекции. Его желание сбылось. В особенности это касается его «Опыта закона о народонаселении» (1798). Но сбылось в основном превратно, если иметь в виду неомальтузианство или идею «золотого миллиарда».

В координатах истории мысли, в рамках которой теперь следует рассматривать философию Владимира Александровича Кутырёва (1943–2022), нашего современника, которого не стало совсем недавно, он сам себя позиционировал себя как гётеанец, марксист и хайдеггерианец; в русской традиции – как последователь Константина Леонтьева и Алексея Лосева. Программа его мышления ориентировалась на археоавангард и антропоконсерватизм, «философию (для) людей», «философию с человеческим лицом». Уже хотя бы поэтому он являлся философом и вообще человеком смелым, незаурядным и во всех смыслах выдающимся!

Новая история философии не рассматривает «актуальное» и «забытое» по отдельности, но интересуется теми случаями, в которых они не просто пересекаются, но прямо совпадают – тем, что «актуально», поскольку оказалось «забыто», или «забыто», потому что «актуально». Это связано, в том числе, и с тем ощущением, которое есть сегодня у всех, кто хоть как-то связан с философией, – что философию еле-еле терпят. Но, как говорил Овидий, первый из авторов «Метаморфоз», «там, где нет опасности, наслаждение менее приятно».

В этой книге история используется в первую очередь для освещения до сих пор резонансных философских вопросов и конфликтов, связанных невидимыми нитями с настоящим в гораздо большей степени, чем мы склонны себе представлять сегодня. Во многих отношениях идеи умерших философов не устарели. Нет, я не даю присяги на верность ни одной из анализируемых здесь философских систем – Д. Беркли, маркиза де Кондорсе, Т. Р. Мальтуса, даже моего наставника В. А. Кутырёва или кого ещё угодно. Из каждой я беру то, что всего нужней

мне самому как философу. По этой же причине эта «история философии» будет сознательно выборочной, но необязательно неполной. Она не исчерпывающая, а скорее образцовая.

Например, меня могут спросить, а где же Анаксимандр? Он же «изобретатель» или, как минимум, «предтеча» пост-неклассической науки!? Все философы – изобретатели чего-то!.. Но синдром – ещё не симптом, а симптом – ещё не диагноз! В рамках даже большой монографии возможно рассмотрение лишь некоторых наиболее показательных мнений отдельных философов, в противном случае места точно не хватит, а если и хватит, то только для того, чтобы отделяться самыми общими словами-декларациями. Кто слишком много требует, не получает ничего. Поэтому выбор «именно этих» философов (Д. Беркли, маркиз де Кондорсе, Т. Р. Мальтус, В. А. Кутырёв) в каком-то смысле предопределён...

Замечу, что данный подход совсем не является продолжением «делёзианского» метода «черенков и прививок», при котором у какого-то автора отыскивается и берётся, при игнорировании общей направленности текста, некий «подавленный» в нём маргинальный смысл, который прямо отрицает центральную идею этого автора, заставляя его говорить зачастую прямо противоположное тому, что тот хотел сказать. Совсем в иную эпоху и в ином роде деятельности мы находим пример подобной же техники «гибридизации» у И. Босха, а вслед за ним отчасти и П. Брейгеля (Старшего), когда пересозидание происходит путём разъятия и измельчения уже существующего, его последующей рекомбинации, и скрещивания с чем-то чужеродным. Сегодня так устроено искусство клипа. Поэтому Босх такой современный. Он занимается строго и скрупулёзно рассчитанным скрещиванием, порождающим необъятную вселенную фантастических гибридов. Босх – мастер изображения метаморфоз. Фактом является то, что он лучше всех других авторов сегодня имитируется искусственным интеллектом (АИ), нейросетями! Потому что это чистая комбинаторика. Верх креативности прошлого оказался банальностью, псевдо-креативностью в наши дни. Метаморфоза метаморфоз!

Но как быть с историей философии? Она тоже просто комбинаторика? Есть ли что-то новое в философии, или современная философия – всего лишь «сноска» и «комментарий» – а-ля Уайтхед – к трудам великих мыслителей прошлого? Нет. Главное отличие философского мышления в том, что оно у каждого уникально и именно в этом его универсальное значение! Иногда говорят, и почти на 100 % справедливо, что философия – это попытка выразить словами то, что ими в действительности выразить нельзя. «Почти» – потому что остаётся ещё один «магический» ингредиент, без которого ничего не складывается. Философия – это не просто попытка «выразить» то, что «имеется», а ещё и попытка «заразить» этим других. Заразить не каким-то конкретным содержанием, а самим желанием его самостоятельного и уникального поиска. Что бы там ни говорили, а основной вопрос философии всё-таки – Как возможна философия? Это тавтология. В которой общее и единичное сливаются.

Страницы перевёрнуты, но книга не закрыта... Обычно это первые слова заключения, а не введения. Но не в нашем случае. Потому что новая история философии – это не столько экзегетика, не толкование текстов тех или иных философов, хотя к ним она тоже обращается, сколько палимпсест, – то, что сегодня можно и нужно на- или до-писать поверх них. Новая история философии – это не только то, что происходило внутри жизни конкретного философа и вылилось в те или иные тексты или другое материальное наследие, отражающее его творческую и интеллектуальную эволюцию, но и «метаморфозы», то есть то, что происходило и до сих пор происходит после этого. Именно последнее находится в центре интереса данной книги. Хотя и не отменяет необходимость первого.

Вот есть, например, «художник» (философ), а есть «критик искусства» (историк философии). И художнику лучше не читать критиков искусства, иначе он станет одним из них. Но что тогда ему читать? Должны быть книги для художника (философа). С точки зрения «критика» такой подход совершенно неприемлем. И, наоборот, с точки зрения философа, именно он –

единственно верный. Поэтому, если пишется книга для философов, то не только прошлого, но и настоящего с будущим. Потому что философ всегда о(е)дин. Во всех смыслах!

Это Платон в своих трудах впервые употребил слово «философия» в смысле, близком к сегодняшнему. Он же – первый историк философии. Ведь главным действующим лицом большинства его диалогов является его учитель, Сократ. При этом Платон – не биограф Сократа! Он не представляет нам жизнь Сократа в целом. Не ясно, где говорит и действует Сократ, а где Платон. Платону в этом смысле повезло, поскольку Сократ сознательно ничего не писал. Во многом благодаря этому и получилась, сложилась философия Платона, как мы её знаем. Возможно, самая влиятельная и продуктивная философия в истории человечества! Ведь без неё нельзя себе представить ни христианство с исламом, ни всю рационалистическую мысль Нового Времени, и даже Гегеля. Платоновский Сократ – это вымысел, безусловно, самый мощный вымысел в истории философии.

Каждый конкретный историк философии по-разному трактует, что является наиболее существенным для философии. Это верно в отношении Аристотеля, который был первым («официально»!) историком философии, и это верно в отношении Гегеля, который надеялся, что он станет последним историком философии. Их взгляды на природу философии сильно отличались. Аристотель в своей «Метафизике» и Гегель в своих «Лекциях по истории философии» рассматривали учения более ранних по отношению к ним философов как нетвёрдые шаги в направлении того видения, которое они сами излагали. Сегодня же считается, что только тот, кто обладает непомерной самоуверенностью, может написать историю философии таким образом. Может поэтому после Гегеля философия идёт только на спад?

Но ведь именно Гегель первым показал, что «для понимания низших ступеней необходимо знакомство с высшим организмом, ибо он является масштабом и первообразом для менее развитых; так как в нём всё дошло до своей развернутой деятельности, то ясно, что лишь из него можно познать неразвитое. Например, амёбы или инфузории – это образцы ещё настолько глухой (аутистичной – А.Т.) формы жизни, не представляющей собой организма, что их можно постигнуть только исходя из более развитой животной жизни»¹. Конечно, в последующем более ясно вырисовывается реальная основа, на которой выросло предшествующее. «...История философии, – говорит Гегель, – не есть вслепую набранная коллекция взбредших в голову мыслей, ни случайное движение вперёд... Философски[е] учени[я возникают] друг из друга, так что каждое из них непременно предполагает предыдущее...»² Как последующее невозможно без предшествующего, так и предшествующее не до конца постижимо без последующего. Речь должна идти не просто о нагромождении накопленных знаний, но также и об их преобразовании и углублении, в результате чего они меняют своё место, обобщаются, заново выводятся, переизобретаются, трансформируются, переживают метаморфозу.

Представим, что у некоего философа прошлого содержится некое знание «Х» о том или ином предмете. Изложение этого знания сегодня возможно лишь как результат дополнительного анализа и сложных сопоставлений с тем, чего эмпирически просто нет в изначальном, аутентичном тексте, у мыслителя, впервые его выработавшего. Так знание «Х», понятное, развитое и переосмысленное в связи с вновь открывшимся с течением времени контекстом, превращается в знание «Y», «V», «Z» и т. д. Это и есть то, что должна делать история философии. Поэтому-то она и «новая». В этом смысле история философии всегда новая! В конце концов, как отмечал всё тот же Гегель (о хитрости мирового разума в «Философии истории»), «мы, обозревая прошедшее, как бы велико оно ни было, имеем дело лишь с настоя-

¹ Гегель, Г. Сочинения в 14 томах. Т. II. – Москва, Ленинград: Государственное издательство политической литературы, 1934, С. 518.

² Там же.

щим»³. Именно настоящее служит основанием для аутентичного понимания прошлого, что, безусловно, несколько искажает сюжет исторического процесса, но тем самым и придаёт ему смысл. Или, как примерно о том же самом говорил М. Хайдеггер, «подобное распознаётся только через подобное, и подобное может стать предметом только для подобного»⁴.

Философское самоосмысление невозможно без прошлого. Но какими бы гениальными ни были философы того времени, вопросов видеть всегда удаётся больше, и считать их решёнными – значит создавать видимость решений. Настоящее философствование включает в себя как выводы, так и гипотезы, и даже вновь открытые в ходе его проблемы. В нём обязательно (!) должно быть место и для оценочных суждений как отражения наличия у субъектов истории определённой свободы выбора своих действий. Великие труды прошлого не теряют своего значения в философии, но их интеллектуальный вклад не является статичным. Каждая эпоха интерпретирует и применяет философскую классику к своим собственным проблемам и устремлениям. Это абсолютно нормально. Это то, что и требуется от философии!

Любому настоящему историку философии необходимо уметь перефразировать анализируемые мысли, выявлять причины, стоящие за ними, рассуждать об их посылах, о том, что осталось имплицитным, оценивать последовательность и убедительность сделанных выводов. Эти занятия сами по себе являются полноценной философской деятельностью. Следовательно, любая серьёзная история философии сама по себе должна быть упражнением как в философии, так и в истории. «[И]зучение истории философии есть изучение самой философии, да это и не может быть иначе»⁵. Если историк философии находит веское обоснование доктринам философа прошлого, его задача выполнена. И для этого он может использовать любой доступный для него материал. Если вам это кажется чересчур революционным, то подумайте немного, и вы увидите, что наиболее заметной формой философского прогресса всегда является как раз прогресс в философском анализе, главная причина которого – современные философы, конечно, знают такие вещи, которых не знали даже величайшие философы прошлого.

Очевидно, что сущностное осознание той или иной трансформации – метаморфозы! – происходит с её концом. Как известно, «сова Минервы вылетает в сумерки, когда полный битв и сражений день уже отгремел». То есть естественно, что дождавшись окончания определённого этапа в развитии того или иного явления, мы получаем о нём более полное представление. Но парадокс в том, что когда мы говорим о просто «философии истории», то находясь «внутри» жизни того или иного философа, можем говорить о тех интеллектуальных «революциях», которые он совершил в её рамках, и лишь об «эволюции» его взглядов *post mortem*; в рамках же «новой истории философии» всё обстоит ровно наоборот – настоящие метаморфозы начинаются с течением большого количества времени, которое и раскрывает истинный смысл сказанного и написанного. Нередко говорят, что великое видится на расстоянии, что слишком близко плохо видно, как и слишком далеко. «Мысленное видение» – рефлексия – также требует дистанции. Если вспомнить экзистенциалистов, существование человека предшествует его сущности, которая проявляется только во время или после смерти. А на языке психоанализа это вопрос о том, что сказали философы прошлого «на самом деле»? Да и главный признак классики вообще заключается в том, что каждое поколение воспринимает и понимает её по-своему. Она трансформируется!

Согласно философу науки Пьеру Дюгему, факт есть обобщение результата; но и результат исходит из фактов. Поэтому Новая история философии не просто возможна, но и необходима! Философы прошлого «творят» нас, так же как и мы «создаём» их! Да, теория и философия важны сами по себе. Но не менее важно то, на что она нас наводит, индуцирует, производит в

³ Гегель, Г. Лекции по философии истории. – М.: Эксмо, 2018, С. 125.

⁴ Heidegger M. Die philosophischen Grundlagen der Mittelalterlicher Mystik (1918/19) II GA 60. S. 301–337. – S. 316.

⁵ Гегель, Г. Лекции по философии истории. – М.: Эксмо, 2018, С. 74.

нас. Кроме того, как считал Альберт Эйнштейн, именно знание исторического и философского «бэкграунда» давало ему ту независимость от предрассудков его поколения, от которых страдало большинство учёных – его современников. Эта независимость, порожденная философским «прозрением», является, с его точки зрения, ещё и главным признаком различия между простым ремесленником или специалистом, с одной стороны, и настоящим искателем истины, с другой⁶.

История – это прошлое в настоящем⁷. Жизнь наших предков есть иносказательно наша собственная жизнь, только в другое время и в других условиях. Это тоже «мы» – лишь в других обстоятельствах. Пытаясь узнать их лучше, мы познаём сами себя. История – это не прошлое, но сознание прошлого, используемое для целей настоящего. Любой историк прекрасно знает, что из описываемого прошлого максимум (!) 30 % соответствует действительности, остальное (не менее 70 %) является проекцией настоящего и даже личности самого историка. *Medium is the Message*, как говорил М. Маклюэн. Поэтому нет ничего абсурдного в том, что мы можем изучать философов прошлого, чтобы найти освещение тем нашего собственного философского исследования. Или же мы можем захотеть понять людей и общества их времени, а также ознакомиться с их философией, чтобы понять концептуальный климат, в котором они мыслили и действовали. С точки зрения новой истории философии здесь нет противоречия: мы изучаем прошлое, чтобы понять, как можно изменить настоящее и будущее. Чтобы понять, как что-то может быть иным. Номотетический и идиографический методы на самом деле говорят об одном и том же – что мы должны обращать внимание на, соответственно, закономерное или уникальное как для того, чтобы лучше ориентироваться в прошлом, так и для того, чтобы лучше адаптировать его в настоящем и будущем. По аналогии с структурой медицинского знания: прогноз – это то, что вскоре произойдёт, анамнез – то, что уже произошло, диагноз – то, что происходит в данный момент и соединяет первое и второе в единое целое.

Наши слова не случайны, даже когда их употребляют случайно. Язык – не просто «дом бытия», он поводирь по нему и, прислушиваясь к происходящим в нём событиям, мы, наряду с фиксацией видимых фактов, получаем возможность предсказывать предстоящие перемены, ощущать подземный гул истории. Философы зачастую описывают то, для чего ещё нет слов. Поэтому здесь важно уметь слушать и читать «между строк». Исследователи больше видят и больше могут извлечь из источников информации, нежели современники и даже творцы этих источников: «Ведь то, что представляется первым и последним в каком-то произведении, не всегда есть его глубочайшее содержание. Если бы вы только умели читать между строк!»⁸

Людвиг Витгенштейн возразил бы на это, что причиной отсутствия у философии продвижения вперёд, с точки зрения обывателя её «топтанья на месте», перебирания одних и тех же философских проблем, которые были известны уже, например, древним грекам, является как раз то, что наш язык с тех самых времён остался прежним, ничуть не изменился и потому всегда ставит перед нами одни и те же вопросы... Да, это отчасти так. Но лишь отчасти, потому что требует уточнения, которое мы заимствуем у одного из протагонистов данной книги – Джорджа Беркли. С его точки зрения, мир – это и есть язык!

Не только философы, но они в первую очередь, знают, что обсуждение идей и мнений других облегчает последующее изложение собственного мнения или теории. Более того, главная цель пространной исторической полемики как раз и состоит в том, чтобы убедить читателей в серьёзности проблем, решения которых предлагаются. Без этой «преамбулы» у нас

⁶ Einstein, A. Letter to Robert Thornton, 7 December 1944 // *The Collected Papers of Albert Einstein*, John Stachel, et al. (eds.), Princeton, NJ: Princeton University Press, 1987–present. – Pp. 61–574.

⁷ Куриллы, И. История, или Прошлое в настоящем. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.

⁸ Шлейермахер, Ф. Речи о религии к образованным людям её презиравшим. Монологи // Перевод с немецкого С. Л. Франк. – СПб.: Алетейя, 1994, С. 73.

не было бы первой и, есть такое подозрение, самой важной предпосылки для того, чтобы научиться чему-либо новому: знания о нашем собственном невежестве. Если ты не извлекаешь урок из прошлого, то будешь повторять его дословно!

Один из важнейших персонажей второго плана данной книги, Джонатан Свифт опасался, что написанное им может быть подвергнуто пересмотру после его смерти. Поэтому в своём рассказе о путешествии Гулливера в Глаббдобдриб, остров чародеев и волшебников, эпизоде, который вызвал большое недовольство почти всех его современников, как только человек, и тем более автор, становится объектом комментариев, он меняется до неузнаваемости. Даже Гомер и Аристотель в таком случае становятся «совершенно чужды остальной компании»⁹. По этой причине Д. Свифт изобретал различные стратегии, чтобы защитить себя от неправильного толкования. И всё же любой текст неизбежно становится материей, которая может испортиться и даже обернуться против своего создателя. Так Д. Свифт как писатель внезапно превращается в Д. Свифта как материал, который подлежит пересмотру и реконструкции в соответствии со вкусом его нового (пере)создателя.

В новой истории философии речь идёт о том, чтобы, вновь возвращаясь к тому, что уже было сказано, высказать и то, чего ещё никогда не было никем произнесено. Как говорил М. Фуко, «комментировать – значит признавать, по определению, избыток означаемых над означающими, неизбежно несформулированный остаток мысли, который язык оставляет во тьме, остаток, составляющий саму суть, выталкивающую наружу свой секрет. Но комментировать – также предполагает, что это невысказанное спит в речи, и что благодаря избыточности, присутствующей означающему, можно, вопрошая, заставить говорить содержание, которое отчётливо не было означено...

[В]сегда есть дремлющие означаемые, которым нужно дать слово...»¹⁰ Я и сам не собираюсь давать здесь законченную интерпретацию чего-либо. Только тогда она может быть философской, то есть открыто сопротивляющейся окончательным выводам, что позволит в любой момент вернуться к ней и начать всё сначала. Таким образом, эта книга по новой истории философии является началом, и следует признать, что все её темы открыты для обсуждения.

* * *

Тема трансформации – одна из древнейших в литературе и искусстве. Но самыми известными «метаморфозами» являются три – Овидия, Апулея и Кафки.

Первым, ещё две тысячи лет назад, был древнеримский поэт Овидий, изобразивший в своих «Метаморфозах» природу и человечество как бурлящий водоворот, в котором всё живое и неживое попадает в циклы перемен. При этом Овидий не использует слово «метаморфоза», но только «превращение». Овидий завершил свою поэму преобразований в 15-ти книгах превращением поэта в своё произведение, а самих «Метаморфоз» – в собственное восприятие, подытоженное в последнем слове: «Я... пребуду». Пророчество сбылось, поскольку «Метаморфозы» читают уже на протяжении двух тысячелетий со дня смерти поэта в 17 году нашей эры.

Знаменитый роман Апулея с одноимённым названием – «Метаморфозы в XI книгах» (*Metamorphoseon libri XI*) – со времён Аврелия Августина называется также «Золотой осёл» (*Asinus aureus*), где эпитет «золотой» относится к художественным достоинствам произведения, и часто сбивает с толку, поскольку написан в соответствии с двумя планами. Он рассказывает одну основную историю, Луция и его превращений, с вкраплениями ряда рассказов, которые, на первый взгляд, не имеют ничего общего с приключениями героя. Это впечатление

⁹ Свифт, Д. Путешествия Гулливера: Сатирический роман; Сказка бочки: Памфлет. – М.: Мир книги, Литература, 2006, С. 196.

¹⁰ Фуко, М. Рождение клиники. – М.: Академический Проект, 2010, С. 14.

двойственности объясняется тем, что Апулей не был единоличным автором, а был вдохновлён утраченным текстом, приписываемым Луцию Патрайскому. Тот, в свою очередь, сам использовал уничтоженный оригинал некоего греческого текста. Вот так и получилось собрание текстов разных авторов, которые позже исчезли.

Несмотря на это, Апулей создал совершенно новую книгу с уникальным внутренним посылом – о том, как происходит обращение в религиозный опыт. «Метаморфозы» Апулея совпали по времени с эпохой формирования раннего христианства, в рамках которого «метаморфозой» являются воскрешение и вознесение. Христианская мораль представляет собой план действий, целью которого является возвращение, приход или обретение (иногда в загробной жизни) Царства Божьего – идеального будущего. Как писал К. Г. Юнг, «[в] христианстве замечательно то, что в его догматике предусматриваются некоторые изменения божества, исторические метаморфозы «потустороннего»... *scientes bonum et malum* («познание добра и зла» – А. Т.)... Таким образом, бессознательная целостность проникла в психические сферы внутреннего опыта, давая человеку некое предчувствие целостной формы, что имело колоссальное значение, причём не только для человека, но и для Создателя: в глазах тех, кто избавился от тьмы, Он стал *summi bonum*»¹¹. Превращения как в классической, так и библейской традиции подразумевают элемент Божественной справедливости: в «Метаморфозах» Апулея человек, ведущий себя как осёл, становится ослом; в «Метаморфозах» Овидия жадный до крови убийца превращается в волка. В Библии есть пара «рогатых» перевоплощений: во Второзаконии есть пророк, чьи рога отражают силу и величие, в то время как в «Откровении» Иоанна Богослова фигурирует множество рогатых посланников из ада.

Перипетии, связанные с написанием «Метаморфоз» Апулея немного напоминают и судьбу данной книги. Вот откуда такое сложное название. Вообще это должна была быть другая книга. Ещё точнее – две другие книги («Метаморфозы» и «Новая история философии»). А из их соединения (большой частью непреднамеренного!) получилось то, что получилось.

В современной культуре наиболее известным описанием «метаморфоз» считается «Превращение» Ф. Кафки: однажды утром Грегор Замза проснулся и увидел, что превратился в «страшное насекомое» с тонкими лапками, мощными челюстями и панцирем, как у жука... Основная идея «Превращения» Кафки – дурная бесконечность, мотив бесконечной отсрочки:

«Мессия придёт только тогда, когда больше не будет нужен; он придёт только на следующий день после того, как будет возведён его приход; он придёт не в последний день, а в самый последний»¹².

Именно так дьявол пытается души в аду – он заставляет их ждать. Ждать бесконечно. Ты ждёшь, ждёшь... но ничего не происходит. Абсолютная безнадёга и бессмысленность. В этом – вся суть мрачного кафкианского гротеска, несущего мотивы экзистенциального ужаса. Сам Кафка и все его «герои» одиноки даже не как человеческие существа, а скорее, как животные. Они онтологически изолированы, лишены трансцендентности:

«У Ф. Кафки повествуется о доходящих до отчаяния и иступления метафизических поисках, которые приводят к полному краху самого здания метафизики. Герои не находят того, чего искали, не потому, что доступ к трансцендентной истине для них закрыт, но потому, что такой истины нет. Трансцендентность оказывается формой, скрывающей отсутствие. И герои всеми силами пытаются пробиться к тому, чего нет»¹³.

И всё же у человека метаморфоза, в отличие от насекомых и животных интериоризована, но при этом проявляется в трансформации всего мира. Невидимая внутренняя трансформация

¹¹ Юнг, К. Зло стало определяющим в этом мире (из книги «Воспоминания, сновидения, размышления»). Цит. по Шопенгауэр А., Юнг К. Голод, страх смерти и половой инстинкт. «Мир есть госпиталь для умалишённых». – М.: Родина, 2020, С. 230.

¹² Кафка, Ф. Ангелы не летают. – М.: Азбука-Классика, Азбука, 2014, С. 54.

¹³ Фаритов, В.Т. Ницшеанские размышления. Очерки по философии маргинальности. – СПб.: Алетейя, 2022, С. 120–121.

преобразует весь мир, всю реальность! Вот почему философа интересуют, прежде всего, онтологические возможности, а не предсказание фактических событий. Так, Аристотель в «Метафизике» (книга 9, глава 6) делит «действия» на два класса: *energeia*, обычно так и переводимые как «действия», и *kinesis*, переводимые, соответственно, как «движения». Различие им проводится главным образом на основе соответствующих этим действиям временных форм – Past Simple в первом случае (*energeia*), и Present Perfect во втором (*kinesis*). Таким образом, любой кинезис требует времени, чтобы достичь своей формы и завершения, в то время как энергия является полной в любой момент. *Energeia* совершается в каждый момент, ибо не нуждается ни в чём, что, появившись позже, завершит её форму. Таким образом, существенной характеристикой «энергий» является совсем не только то, что они темпорально однородны. Суть в том, что они обладают формой, сообщаемой некоей внутренней телеологической структурой – структурой, которая не нуждается во времени для своего свершения. Движение также обладает формой, сообщаемой внутренней телеологической структурой, но в данном случае эта структура может быть завершена только через темпоральное развёртывание. Кинезис противоположен Генезису. Новую историю философии интересует не столько генезис идей, сколько их движение, кинезис, метаморфозы. А следовательно – Present Perfect.

Past Simple – время точное. Present Perfect – гипотетическое, подлежащее уточнению с высоты настоящего. Какая из историй действительная, а какая предполагаемая? Та, в которой всё прошлое точно зафиксировано, или которая отражает именно ход истории, включая текущий момент? Present Perfect – это настоящее время, но настоящее перманентное (постоянное): оно представляет нынешнее состояние как результат прошлых событий и поэтому может быть названо ретроспективной разновидностью настоящего. Главное различие между Past Simple и Present Perfect заключается в том, что первое отделяет ситуацию от текущей актуальности, в то время как второе обозначает что-то как актуальное в данный момент.

Например, Адам Смит в своём знаменитом «Исследовании о природе и причинах богатства народов» (1776) логику капитала описывал исключительно через Present Perfect. Потому что Past Simple – это всегда описание чего-либо от первого лица, а значит – субъективное, тогда как Present Perfect повествует о чём-либо от третьего лица или даже, скорее, безлично, ещё точнее – от лица того процесса, который и описывается. Объективно! Такая историческая темпоральность всепроникающа, и вводится для того, чтобы добавить глубины взгляду на настоящее время и представить историю не просто как совокупность отдельных инцидентов, но как непреходящую, непрерывную и эффективную силу. А. Смит применяет Present Perfect, когда говорит о непрерывном воздействии прошлого, простирающегося до настоящего, в то время как с единичными случаями исторической случайности вполне справляется и Past Simple. Тем самым он «обеспечил» провиденциальность движения.

Итак, *Energeia*, она же – Генезис, выражается через Past Simple и описывает, если речь идёт об истории философии, то, что произошло при жизни философа. *Kinesis* же выражается через Present Perfect и описывает дальнейшую судьбу этой философии и её актуальность в настоящем. Новую историю философии интересует в первую очередь второй случай.

Под «метаморфозой» обычно понимается: перемена, изменение, мутация, вариация, модификация, девиация, поворот, эволюция, революция, трансформация, трансфигурация, преобразование, коррекция, сдвиг, отклонение, перемещение, смещение, сворачивание, развёртывание, видоизменение, преображение и т. д. Метаморфоза часто включает в себя оживление неодушевлённого, сотворение жизни из неживого, превращение камней в хлеб, как в случае, когда дьявол искушает Иисуса, оживление статуй, как в «Метаморфозах» Овидия Пигмалион согревает мраморную Галатею своим пылом, или автоматов, как в случае Нового Пигмалиона – Франкенштейна. В зоологии под метаморфозой понимается (прежде всего, у насекомого или амфибии) процесс трансформации из незрелой формы во взрослую, имеющий две или более отчётливых стадии. В общекультурном смысле, метаморфоза – это изменение формы

или природы вещи или человека на совершенно иную. В действительности эти два смысла не противоречат друг другу. Под «метаморфозой» в данной книге мы понимаем процесс взросления, сопровождающийся изменением формы и природы – как человека, так и всего мира вокруг него. Хотя последовательность глав в книге – хронологическая, между ними есть логическая связь. В качестве её основы выбрана структура из шести стадий морального развития, выделенных американским психологом Лоуренсом Кольбергом¹⁴, которую можно без потери смысла, а может быть даже для его большей концентрации, сократить вдвое – до трёх:

1. Гетерономия. Эта стадия начинается в детстве. Для неё характерно то, что мы перенимаем наши убеждения и ценности у других. Мы не рассуждаем критически или независимо, но наши взгляды зависят от семьи, друзей, школы или какого-либо другого авторитета или даже догмы. Мы полагаемся на поддержку или одобрение других, живём согласно чужим нормам. Плохая новость в том, что, согласно Л. Кольбергу, значительная доля людей так никогда на самом деле и не выходят из этой первой стадии. В данной книге гетерономии соответствует феномен аутизма-солипсизма, блестяще проанализированный Д. Беркли (Глава 1).

2. Идеология. Эта более взрослая стадия начинается со стремления к независимости. Мы учимся мыслить самостоятельно и независимо и критиковать идеи, которые пассивно принимали прежде. Мы можем принять некую «идеологию», которая претендует на объяснение всего, будь то религиозный фундаментализм, марксизм или гражданский патриотизм. Здесь мы уже сознательно выбираем окружение, которое отражает наши собственные ценности или точку зрения. Это более «продвинутая» стадия развития, но и она не лишена недостатков, главные из которых – во-первых, мы можем принять какую-то идеологию всю целиком, со всеми её плюсами и минусами, а во-вторых, приняв её, мы вынуждены слишком категорично отвергать любые иные точки зрения. В данной книге идеологии соответствует «спор» маркиза де Кондорсе и Т. Р. Мальтуса – спор двух несовместимых идеологий, актуальный и в наши дни (Глава 2). Тем более, что и автор термина «идеология» А. Дестют де Траси был современником этих двух протагонистов, а значит ввёл его в оборот в прямой или косвенной связи с данным «спором». В этой же главе рассматриваются различные схемы метаморфоз – в частности, эволюции.

3. Автономия. Наконец, мы вырабатываем свои собственные взгляды и ценности – если всё идет хорошо на предыдущих стадиях... Мы не только самостоятельно мыслим, но и в качестве необходимой составляющей этого процесса, учимся мириться с неопределённостью и двусмысленностью. Мы, наконец, признаём, что в споре есть аргументы обеих сторон и что мы никогда не придём к окончательному ответу и не должны стремиться всё «финализировать». Тем не менее – и это крайне важно – мы упорствуем в поисках самого разумного решения. В социальном плане мы учимся ценить других, даже если у них есть серьёзные недостатки. Наш круг общения расширяется от исключительно единомышленников до людей с самыми разными взглядами. Установив свою независимость, мы снова готовы полагаться на других в отношениях взаимной поддержки и общности, а также признаём сложность проблем и плюрализм точек зрения и продолжаем совместную работу по достижению рационального консенсуса путём диалога. В данной книге автономии соответствует философия антропоконсерватизма В. А. Кутырёва, не принимающая «незрелый» новационизм, стремящийся во что бы то ни стало к перевороту миров (Глава 3).

Историко-философский процесс в действительности не бывает представлен одной линией, но носит контрапунктный характер: одновременно сразу несколько голосов, которые то пересекаются, то расходятся по разным направлениям. Поэтому выбор основных протагонистов книги и их последовательность отражает ещё и гегелевское олицетворение «метаморфозы» божественных Провидения и Благодати в такие объяснительные основы социаль-

¹⁴ Kohlberg, L. The Philosophy of Moral Development: Moral Stages and the Idea of Justice. – New York: Harper and Row, 1981.

ных наук, как «хитрость разума» (аутизм и Д. Беркли), «естественный отбор» (Т. Р. Мальтус) «невидимая рука» (идея прогресса де Кондорсе и «продвинутый марксизм» В. А. Кутырёва).

Среди трёх глав первая является самой «академичной», хотя и со смелыми гипотезами и выводами, то есть допускающей и даже провоцирующей полемику, а также некоторой данью моей нынешней ангажированности в медицинском университете. Вторая глава – «полемическая», имеющая прямое отношение к острым социальным спорам прошлого и настоящего. На её общее настроение, содержание и логику изложения сильно повлияло моё первое – «базовое» – экономическое образование. Она же отражает мой особый интерес к незаслуженно принижаемому статусу социально-гуманитарных наук. Третья глава – «экзистенциальная», поскольку я был лично близко знаком с её главным героем и потому веду в ней повествование в первую очередь через призму своего собственного опыта общения и восприятия. Она же – самая философская.

* * *

По завершении работы над книгой я выражаю признательность и благодарность всем, 1) кто помогал, 2) кто не мешал, 3) кто мешал, но не слишком сильно, 4) и даже тем, кто сильно мешал, но я не жалею, ведь преодоление – это так по-ницшеански! Книга пишется не благодаря обстоятельствам, а вопреки. У меня, во всяком случае, чаще всего так и бывает... Идея выжила в столкновении с препятствиями, претерпела в ходе этого ряд метаморфоз, а значит её идея, уже хотя бы поэтому, не бессмысленна.

Мой учитель В. А. Кутырёв вдохновил меня на написание данной книги, но не увидел её и не прочитал. Спасибо ему за долгие годы терпения. Он всегда был для меня образцом настоящего философа, на которого я равнялся, это давало мне силы продолжать свой путь, даже когда было очень непросто.

Выражаю признательность моей студентке в Приволжском исследовательском медицинском университете, Сёфриной Анастасии Вячеславовне, за помощь.

* * *

Книга состоит из трёх глав, которые лучше всего читать в представленном порядке, но также можно читать в другом порядке или просто по частям – как обычно читается большинство книг, широко охватывает философию, теологию, науку, политику, экономику, психологию и искусство – но, надеюсь, таким образом, чтобы читатели могли быстро сориентироваться, учитывая возможности, предоставляемые сегодня Интернетом для того, чтобы следить за тем, что может их особенно заинтересовать в тексте.

Стремясь сделать текст более доступным читателю, я сократил до предела число примечаний и сносок. И всё равно их получилось немало...

Я часто слышу от коллег-философов, что они просят других (особенно молодых, начинающих) объяснять идеи на понятном языке. Но сами при этом этого-то и не делают! Я не обещаю, что всё, что изложено в этой книге, будет абсолютно ясно и понятно любому читателю, но даю слово, что я делал для этого всё возможное, стараясь по возможности избегать любых двусмысленностей.

Согласно правилу... предисловие должно быть тем больше, чем меньше самая книга, – однако я не стану больше томить нетерпеливого читателя у преддверия¹⁵.

¹⁵ Свифт, Д. Путешествия Гулливера: Сатирический роман; Сказка бочки: Памфлет. – М.: Мир книги, Литература, 2006, С. 317.

Глава 1

Джордж Беркли: между научным а(у)т(е)измом и аутистическим сциентизмом

...[Е]сли бы мы могли прямо воспринять ту пляску электронов, которая совершается в нашем теле и которая, безусловно, в терминах физической картины является условием нашего сознания, то мы в ту же секунду умерли бы или сошли с ума (а может быть, сумасшествие и является состоянием, когда из видимого мира переплетаемся в действительный микромир?). Подобный феномен известен в исследовании зрения, где различают видимый мир и видимое поле зрения. Если мы увидим последнее, а не видимые в нём предметы, то зрительная структура разрушается.

Мамардашвили М. К.

«Классический и неклассический идеалы рациональности»

...[С]олипсизм без индивидуальности.

Адорно (о Кафке). "Minima Moralia"

Что ж, начнём с аутизма. Каждый начинает с этого. Главное, чтобы этим всё не закончилось. Даже современные психологи (Л. Кольберг) признают, что лучше с него начать, чем закончить. О чём и предупреждает нас прозорливый Джордж Беркли. Тем более, что аутистическое поведение сегодня присуще в том числе и большинству философов. Например, Венан Коши, профессор философии Монреальского университета (с 1987 года) и почётный президент Международной федерации философских обществ (1983–1988), в своё время сказал, что его «...особенно беспокоит во многих областях философской деятельности, так это отсутствие актуальности, даже отказ от актуальности перед лицом фундаментальных социальных, экономических, политических, этических, а также технологических проблем, с которыми мы сталкиваемся сегодня.

Относительное бессилие или неспособность существенно справиться с проблемами, тенденция рассматривать философию как игру или просто формальное упражнение действительно вызывают большую тревогу»¹⁶.

¹⁶ Цит. по Stoehr, K. 20th World Congress of Philosophy: A Historical Meeting of the Minds / Humanist 58, no. 2 (March – April), P. 31–33.

Эпидемия аутизма

Ни для кого не является секретом, что аутизм становится глобальной эпидемией. Ещё одной! Уже которой по счёту... По оценкам, один из примерно сорока (1/40) детей в Австралии, один из шестидесяти четырех (1/64) детей в Великобритании и один из тридцати шести (1/36) детей в США страдают расстройством аутистического спектра (РАС). Этот показатель показал огромный рост по сравнению с первым известным исследованием распространённости аутизма в США в 1970 году, когда его значение было менее одного ребёнка из десяти тысяч. При этом сразу несколько независимых исследований показали, что изменения в диагностических критериях делают хоть и значительный, но отнюдь не доминирующий вклад в возросшую динамику.

Семьи с детьми, находящимися в группе риска, сталкиваются с чрезвычайными дополнительными расходами и снижением заработка, поскольку один из родителей часто становится опекуном. Так, США аутизм обошелся в 268 миллиардов долларов (1,5 % ВВП) в 2015 году. Если эпидемия аутизма продолжит расти нынешними темпами, то эта сумма превысит 1 триллион долларов (3,6 % ВВП) в 2025 году (для сравнения, расходы Министерства обороны США составляют 3,1 % ВВП).

Швейцарский психиатр Эйген Блейлер (1857–1939), наиболее известный своим вкладом в понимание психических заболеваний и введением термина «шизофрения» (поэтому шизофрению иногда называют «болезнью Блейлера») в 1908 году её основными симптомами указал так называемые «4а»: ассоциации (их нарушение), аффект (неадекватность), аутизм (потеря контакта с реальностью, часто из-за потворства причудливым фантазиям) и амбивалентность (существование взаимоисключающих противоречий внутри психики).

В 1943–1944 гг. в самый разгар второй мировой войны Ганс Аспергер (1906–1980) и его коллега, уроженец Австрии, Лео Каннер (1894–1981), первыми ввели термин «аутизм» в качестве самостоятельного диагноза для описания определённых характеристик социальной изоляции; другие описывали похожих детей, но называли их «шизоидными».

Каннер, к тому времени работавший в университете Джона Хопкинса в Соединенных Штатах (где его будут считать «отцом» американской детской психиатрии), опубликовал свою работу об аутизме «Аутистические нарушения аффективного контакта» (Autistic Disturbances of Affective Contact) в 1943 году. В том же году в Вене Аспергер представил свою докторскую диссертацию ««Аутичные психопаты» в детстве» (The 'Autistic Psychopaths' in Childhood), которую он опубликовал в 1944 году.

Между прочим, сегодня ведутся споры о том, был ли у самого Ганса Аспергера синдром Аспергера – были ли у него черты синдрома, который позже стал носить его имя. Это вопрос открытый, но, напомним, он сам предположил, что, возможно, соответствует по меньшей мере одной из характеристик описанного им диагноза – успех в науке, по его словам, требует «приливи аутизма».

Три главных симптома аутизма, которые были отмечены Каннером и Аспергером с самого начала: социальная неполноценность, языковые трудности и склонность к шаблонному (ритуализованному) или неуступчивому поведению.

В момент открытия, разумеется, всем было не до болезней. Поэтому открытие аутизма прошло незамеченным для широкой общественности. Изначальное определение аутизма, данное Каннером, привело к появлению диады – аутичного ребёнка и аутичного родителя. Это было совершенно в духе психоанализа, что не удивительно для выходца из Австрии. Кроме того, здесь можно увидеть некоторые пересечения с идеями «экономического империализма», в первую очередь «типичного» представителя Чикагской школы экономики Гэри Стэнли Беккера, который в 1960–1970-е годы был пионером расширения применения методов экономи-

ческого анализа, в том числе на решения людей о том, заводить / не заводить детей и как их воспитывать в качестве долгосрочной инвестиции в человеческий капитал. Введённая Л. Каннером «диада» создала условия для второго этапа, в рамках которого родители страдающих аутизмом детей стремились изменить значение своего сходства со своими детьми – с психогенной причинности на генетическую корреляцию. То есть они стремились избавиться от своей стигматизации как «бездружных», «чуждых», «холодных», «неэмоциональных» родителей и перевести всё на рельсы «наследственности», то есть к причинам, значительно менее связанным с ними именно как личностями. Такая «генетизация» не только дестигматизировала аутизм, но и позволила родителям увидеть их сходство со своими детьми, и таким образом преобразовать аутизм из узко очерченного расстройства в градуированное, вплоть до «почти нормального». Это в свою очередь позволило связать аутизм с «более широким фенотипом». В результате этого сложилась парадоксальная ситуация, которую мы и наблюдаем сегодня, и которую можно охарактеризовать формулой: «Никто не аутист = все аутисты!!!»

Есть предположение, что аутичным людям не хватает не способности понимать людей, а способности понимать свойства (качества?) объектов. В таком случае, именно неспособность воспринимать отношения между объектами может препятствовать развитию социальных навыков. Но есть противоположная интерпретация, согласно которой как раз трудности в понимании человеческих отношений влияют на то, как дети с аутизмом относятся к объектам.

Большинство исследований людей с расстройствами аутистического спектра показывают, что общительность в целом способствует общему когнитивному развитию. Например, способность к воображению, ролевым играм, пониманию чувств и действий других людей, животных и вещей, в том числе их метафорическому пониманию, по мнению многих учёных, сильно ограничена у аутичных людей, как и способность очеловечивать объекты, события и ситуации. Дело в том, что наши межличностные контакты помогают нам понять самих себя, и если эта способность нарушается, то это влияет на самооценку и способы познания мира. Неудивительно, что как дети, так и взрослые с аутизмом страдают от крайней тревожности и панических атак. Аутизм иногда преподносится как расстройство мышления о мышлении, и как таковой рассматривается как форма слепоты, неспособности читать мысли других людей. Ян Хакинг считает, что «аутичные люди не переводят социальные отношения в ментальные концепции»¹⁷. В такой ситуации им приходится самостоятельно «выстраивать» мир и реальность вокруг себя, из самих себя, как солипсисты. Их поведение в мире следует не законам тактики, но такта, ритма, который они сами задают. Поэтому аутист не переносит никаких отклонений от шаблона, стандарта, скрипта, предсказуемости поведения. По этой же причине он предпочитает материальные объекты, а не живых субъектов. Другие люди ему нужны лишь для удовлетворения потребностей. Таким образом, он не взаимодействует с окружающей средой, а подстраивает её под себя и свои фантазии. Как ему удобно. В этом смысле он не является «органом организма». Он всё замыкает на себя. Словно раковая клетка. Как радикальный нарциссист.

Склонность к очень абстрактным системам служит для него опорой в условиях отсутствия внутреннего развития.

Биологическое размножение *Homo sapiens* всегда включало – каким бы грубым и несовершенным оно ни было – формирование потомства по образу и подобию родителей. В этом отношении забота, оказываемая ребёнку, – это просто расширенная возможность дать ребёнку понять, что его сознательно произвели на свет. В таком случае, нарциссическая личность является результатом либо чрезмерной, либо недостаточной заботы о ребёнке в период, когда его приветствуют как нового члена человеческого сообщества. Ребенок, не страдающий нарциссизмом, обретает чувство собственного достоинства, сравнимое с чувством собственного достоинства родителей, даже осознавая свой собственный «созданный» характер.

¹⁷ Hacking, I. Humans, aliens and autism / *Daedalus*, 2009, Т. 138, №. 3, Р. 44–59.

При расстройствах аутистического спектра человек недостаточно гибок когнитивно и эмоционально. Люди с расстройствами аутистического спектра застревают на негативных мыслях и поведении, что очень похоже на симптомы обсессивно-компульсивного расстройства (ОКР), основными симптомами которого являются навязчивые мысли и идеи. Часто кажется, будто им необходимо, чтобы всё происходило, как они считают нужным. На первый взгляд они выглядят эгоистами. Но их проблема не эгоизм, а ригидность. Их мозг заклинило.

Например, дети с аутизмом, как правило, любят транспортные средства. Вероятно потому, что они не живые и не двигаются непредсказуемо. При этом в мире транспортных средств некоторые виды транспорта более предсказуемы, чем другие. Например, автомобили и самолёты могут двигаться практически в любом направлении по прихоти водителя. В этом смысле автомобили и самолёты не намного лучше людей – их трудно предсказать. Другие виды транспортных средств гораздо более ограничены в своих передвижениях. Так, трамваи и троллейбусы должны двигаться по предсказуемым траекториям, поскольку они прикреплены к рельсам и электрическим проводам. Так же как и канатные дороги, поезда и фуникулёры. Если вдуматься, такие транспортные средства могут двигаться только вперёд и назад или по полному изгибу трассы. Это транспортные средства, которые больше всего любят дети с аутизмом.

Говорят, что дети с аутизмом предпочитают объекты другим людям. Когда Лео Каннер впервые описал аутизм в своей статье 1943 года, он отметил интерес к физическому миру, проявляемый этими детьми. Он предположил, что стремление детей к «одиночеству» было связано с их интересом к предметам. Предметы, которые не меняют своего внешнего вида и положения, которые сохраняют свою неизменность и никогда не угрожают нарушить одиночество ребёнка, легко воспринимаются аутичным ребёнком. У него хорошее отношение к предметам.

Однажды я лично имел возможность наблюдать за поведением личности с аутизмом. Это был подросток в возрасте 11–12 лет. Несмотря на часто указываемую «нелюдимость» таких личностей, данный субъект демонстрировал если не что-то прямо противоположное этому, то, во всяком случае, несколько странное поведение. Однажды я шёл по своим делам. И мне попался этот мальчуган, о котором я знал, что он «особенный». «Попался» – это не совсем точное слово. Скорее, это я ему «попался». Он стоял на обочине тротуара и когда я поравнялся с ним, то он пошёл попутно рядом со мной, как будто специально ждал меня, при этом ничего не говоря, то чуть отставал, то, наоборот, обгонял меня. Иногда вовсе шёл как мой попутчик и даже смотрел на меня, словно хотел, чтобы я с ним заговорил, при этом сам бурчал себе под нос что-то неразборчивое. Это было послеполуденное время довольно жаркого летнего дня в небольшом провинциальном городе, поэтому людей на улице было очень мало. Точнее, какое-то время их на нашем пути вообще не было. Но поскольку я хожу довольно быстро, то в какой-то момент (через 3–4 минуты) впереди показалась женщина, которая шла в том же направлении и которую мы догоняли.

Как только мальчуган увидел её, то со всех ног бегом резко бросился её догонять. Самое интересное, что когда он её догнал, то стал вести абсолютно точно так же, как и со мной. Он к ней «приклеился», выбрав очередным «поводырём». Таким образом, этот мальчуган, с одной стороны, не вступал в коммуникацию с нами, но, с другой стороны, вовсе не был «нелюдимым», хотя и использовал людей очень странным образом – как ориентиры, маяки, поводыри, вещи, метки, знаки. Он перемещался между нами. Он по какой-то причине не мог идти один и ждал попутчика. Он как сёрфингист шнырял между нами, используя людские потоки. Общеизвестно, что для аутичного индивида очень трудно собрать воедино все виды информации, полученной из прошлых воспоминаний и настоящих событий, осмыслить свои переживания, предсказать, что, вероятно, произойдёт в будущем, и составить планы. Людям с аутистическими расстройствами трудно ориентироваться во времени и пространстве.

Еще один интересный факт, необходимый для лучшего понимания природы «аутизма», можно подчеркнуть из анализа исследований так называемого «зрительного поиска», кото-

рый находит практическое применение в самых разных и хорошо известных всем областях. Например, при досмотре багажа в аэропортах. Что происходит, когда человек начинает просматривать сотни и сотни чемоданов, сумок, рюкзаков, бегущих по ленте мимо него? Он получает картинку, рассмотрев которую, должен принять решение: есть ли в сумке запрещённые к провозу предметы или их там нет. Главная проблема этой задачи заключается в том, что чаще всего таких предметов нет. Этому явлению даже придумали название – «проблема редко встречающихся объектов». Из-за того, что объектов нет – точно так же, как, к счастью, в скрининговой диагностике редко встречаются снимки, подтверждающие наличие раковых опухолей, – человек привыкает, что их нет, и не видит их в упор, когда они появляются. Если только он не аутист. Недавние исследования показали, что люди с синдромом аутизма с такой задачей справляются лучше самых подготовленных экспертов. Для них проблемы редко встречающихся объектов просто не существует, в то время как у профессионалов она очень и очень частая.

Мы привыкли и даже не замечаем, что контекст придаёт смысл частям. Например, музыкальная нота может звучать очень громко, если ей предшествует очень тихая. И наоборот, эта же нота может звучать очень тихо, если ей предшествует громко сыгранная партия. То же самое верно и для высоты тона. Абсолютная высота звука – это способность слышать тон в точности таким, какой он есть, независимо от его контекста. Удивительно, но около 30 % людей с аутизмом, не обученных музыке, обладают этой способностью. Это называется «абсолютный слух». Проблема в том, что такой человек не может обучаться ничему новому. Его знания – врожденные!!! Прямо как у Декарта и его критика, Локка!

Известно, что магия присваивает знания, чтобы превратить их в самореферентную систему, независимую от мира, из которого они были извлечены. Это присваивающее поведение ничем не отличается от поведения аутичного индивида, который, по-видимому, усвоил весь мир до такой степени, что больше не способен взаимодействовать с внешним миром. В этом состоит различие между магией (аутизмом) и нормальностью (мистикой). В первом случае индивид ищет средства достижения того, чего он хочет, во что бы то ни стало. Во втором случае он ищет средства достижения того, о чём даже и не мечтал. В первом случае речь идёт о закрытой системе, во втором – об открытой.

Несомненно, люди с аутизмом имеют свои сильные и слабые стороны в плане способностей к обучению. Выделяют два основных аспекта познавательных способностей – «подвижный интеллект» (fluid intelligence) и «кристаллизованный интеллект» (crystallized intelligence). Кристаллизованный интеллект лучше всего можно описать как врождённые способности человека к рассуждению. Напротив, подвижный интеллект связан с приобретением с течением времени, в процессе жизненного опыта знаний и способностей (в том числе словарный запас, навыки). Люди с аутизмом, как правило, имеют необычно высокие показатели в тестах на кристаллизованный интеллект, но часто значительно ниже среднего в тестах на подвижный интеллект. Эта дихотомия связана с понятием, называемым нейронной пластичностью. Хотя люди с аутизмом обрабатывают информацию с большей скоростью, чем «нейротипичные», они не способны считывать социальные сигналы и понимать некоторые тонкости языка, такие как юмор, игра слов или сарказм.

Комизм и смех – это по определению коллективные явления. Собственно, на них и проверяются социализация, интеграция, включённость, либо, наоборот, инаковость, отчуждённость от других. Конрад Лоренц в своей книге «Агрессия, или Так называемое зло» отмечает, что «смех... порождает чувство... общности... Если люди могут вместе смеяться... это первый шаг к её [дружбы] возникновению... Общий искренний смех над одним и тем же создаёт мгновенную связь... Смех образует связь, и он же проводит границу. Тот, кто не может смеяться вместе с остальными, чувствует себя «исключённым», даже если смеются вовсе не над ним или

вообще ни над кем и ни над чем»¹⁸. Если у человека нет общности в смехе вообще ни с кем, то, согласно Лоренцу, это знак, говорящий о существенной, «этологической инаковости»: следует ожидать, что и в других отношениях, и в целом – в самом устройстве и типе личности – у него тоже есть некая отъединённость, «странность».

Люди с аутизмом очень внимательны к мельчайшим деталям, иногда в ущерб общей картине. Они склонность воспринимать мир по частям, а не как связное целое. Объекты они воспринимают в их полной дискретной и конкретной индивидуальности, а не как части более широкой абстрактной категории. Аутичное познание основано на «локальной согласованности», одним из аспектов которой является отказ от подчинения восприятий иерархии – отдельные события полны и завершены сами по себе, а не служат более высокой целостности.

В терминах религиозной философии это можно обозначить как противостояние трансценденции и имманенции, что довольно важно для понимания философии Джорджа Беркли. Аутизм – это имманенция, тогда как Беркли – сторонник трансценденции, то есть возможности выхода за пределы наличного или, в терминах психологии, возможности гештальта.

Тела многих аутичных людей часто работают плохо. Судороги – привычный факт жизни для многих из них. Сенсорная перегрузка является распространённым явлением и, возможно, является причиной многих жестоких истерик. Звуки слишком громкие, цвета слишком яркие или вкусы слишком пикантные, просто прикосновения – всё может быть болезненным. Даже ощущение проглоченной воды может быть чересчур интенсивным. У некоторых аутистов возникают проблемы с инициированием или остановкой движения. Многие аутичные дети успокаивают себя, взмахивая руками или выполняя другие навязчивые движения.

Нормально развивающиеся дети могут легко следовать по пути, проложенному эволюцией и культурой. Но дети-аутисты должны находить свои собственные особые маршруты на окольных путях.

Многие родители сообщали, что в младенчестве их дети казались им совершенно нормальными. У них не было причин для беспокойства, пока их ребёнок внезапно и необъяснимым образом не изменился. Это было где-то на втором году жизни. Они потеряли язык, который у них уже был на тот момент, и полностью потеряли интерес к другим людям. Какие необычные и, возможно, травмирующие события происходят в этом возрасте, которые могут вызвать эту проблему? Вакцинация! Вакцинация всегда окружена ореолом подозрительности. По своей природе вакцинация – это нападение на маленький и уязвимый организм маленького ребёнка. Чтобы предотвратить заболевание, вакцина провоцирует лёгкую форму заболевания. Эти симптомы носят временный характер и вскоре проходят почти у всех здоровых детей. Но есть редкие случаи, когда что-то может пойти не так, и даже очень не так, когда последствия могут даже привести к повреждению мозга. Споры по поводу данного объяснения причин возникновения аутизма очень много. Эксперты изучили медицинские записи отдельных случаев и обнаружили, что всё же во многих случаях уже до вакцинации наблюдалось беспокойство по поводу развития ребёнка. Но далеко не во всех... Самое примечательное в этом то, что это сам доктор Л. Каннер, автор термина «аутизм», кто первым описал его симптомы, отметил, что первый заметный всплеск этого расстройства начался после введения массовой вакцинации против оспы. Конечно, это даже не гипотеза, а всего лишь предположение... Действительно, с самого начала в качестве вероятной причины упоминались вакцины, но фармацевтические компании изо всех сил скрывают и пытаются дискредитировать этот факт на каждом шагу.

В чём же причина взрывного роста аутизма, который наблюдается последние 50 лет и с особенной остротой начиная с 2000 года? Не так давно сразу несколько групп ведущих эпидемиологов, врачей и экспертов в области общественного здравоохранения опубликовали

¹⁸ Лоренц, К. Агрессия, или Так называемое зло. – М.: AST Publishers, 2017, С. 59.

согласованные заявления, в которых говорится, что токсиканты в окружающей среде способствуют росту распространённости расстройств развития нервной системы, включая аутизм. Если обобщить, то в основе большинства как научных, так и популярных представлений лежит предпосылка о том, что аутизм – это расстройство, от которого мы, в конечном счёте, найдём лекарство благодаря непрерывным усилиям научных исследований. Такая установка неизбежно влечёт за собой редукционистский поиск истоков расстройства. Но что если выйти за рамки редукционистской парадигмы? Тем более что в результатах нейрохимических исследований причин аутизма самым примечательным оказалось то, как мало было обнаружено повторяющихся различий между аутичными и нормальными детьми.

Разумеется, что большинство психиатров или клинических психологов имеют в виду, соглашаясь с тем, что биполярное расстройство и аутизм являются «естественными», так это то, что они возникают естественным образом. То есть диагноз «аутизм» больше похож на диагноз оспы, туберкулёза или диабета (естественная категория), чем на классификацию «живущего за чертой бедности» (социальная конструкция). Но в отношении «естественных видов» проблематичным является то, что понятие «естественный» является очень расплывчатым, что означает наличие у него пограничных случаев. Хотя героин или сахар-рафинад более натуральны, чем полиэстер, оба они являются технологически произведёнными продуктами. Химические элементы, такие как золото, являются типичными природными элементами, но все элементы с числом протонов более 94 существуют только в том случае, если они сделаны в лаборатории. Их поэтому даже называют «синтетическими элементами». Мы склонны считать приготовление пищи и одежду технологическими продуктами, но они предшествуют эволюции современного человека на сотни тысяч лет (через *Homo erectus*) и, следовательно, являются частью естественной среды обитания *Homo sapiens*.

Всё это ставит под сомнение, является ли аутизм однородным патологическим состоянием, которое может быть исчерпывающе известно – или прозрачно представлено – учёными и их репрезентативными технологиями (например, с помощью МРТ).

В нашем повседневном мышлении и общении большинство из нас представляют болезнь либо как вызванную научно определяемым «агентом», таким как вирус или бактерия (СПИД или менингит), либо как результат обнаруживаемой локализованной телесной дисфункции (болезни сердца или диабет). Здесь впервые мы можем обратить внимание на знаменитую формулировку протагониста первой главы – Джорджа Беркли: “*esse est percipi*”, что означает «быть – значит быть воспринимаемым». Можно с полным правом назвать её центральной для всей современной биомедицины!!! Болезнетворный агент или поражённая система организма рассматриваются как объективные, доступные для визуального представления (через микроскоп, электромагнитное сканирование или научную диаграмму) и, в конечном счёте, поддающиеся лечению (даже если «лечение» ускользает от современного медицинского понимания). По сути, болезнь здесь представлена как доступная для эмпирической идентификации, интерпретации и вмешательства.

Но аутизм, вероятно, является гетерогенным состоянием, которое правильнее называть синдромом, чем болезнью. Не случайно сегодня принято говорить не об аутизме, но о «расстройствах аутистического спектра». Более того, крайне вероятно, что причинные пути, вызывающие симптомы аутизма, скорее всего, множественны и зависят от уровня слабо связанных синергетических биологических и социальных систем. Доминирующая биомедицинская модель представляет собой всеобъемлющую теорию, которая сводит каждую болезнь к биологическому механизму причины и следствия. В противоположность ей, например, «постмодернистское» определение болезни связано с осознанием сложных взаимосвязей между биологией и культурой. Короче говоря, болезнь, инвалидность и телесные различия являются одновременно материальными и символическими, как социально сконструированными, так и материальными.

Далее, последние 30 лет всё более авторитетными становятся так называемые "disability studies" (по-русски обычно переводят как «исследования инвалидности») – академическая дисциплина, которая изучает значение, природу и последствия инвалидности. В качестве своего центрального проекта "disability studies" предложили заменить медицинскую модель инвалидности различными моделями, которые переключают наше внимание с биологии на культуру. Так, по утверждению Розмари Гарланд Томсон, «Значение, приписываемое нестандартным телам, заключается не во врождённых физических недостатках, а в социальных отношениях, в которых одна группа легитимируется, обладая ценными физическими характеристиками, и поддерживает своё господство и самоидентификацию, систематически навязывая другим роль культурной или телесной неполноценности»¹⁹. Или, например, в книге «Конструирование аутизма» Майя Надесан утверждает, что, хотя у состояния, которое мы называем аутизмом, несомненно, есть биогенетический компонент, именно социальные факторы, участвующие в его идентификации, интерпретации и исправлении, определяют, что значит быть аутистом²⁰.

Наконец, во всё большей степени расстройства аутизма раскрывают не как категорию, связанную с диагнозом, а скорее как ряд риторических и эстетических стратегий, которые имеют глубокое сходство с культурами аутистов. То есть аутизм существует не только как психиатрический диагноз и категория идентичности, но и как абстрактное теоретическое и культурное обозначение.

Под «теоретическим» в данном случае может пониматься следующее. Известный канадский философ науки Ян Хакинг, интересующийся не только самой наукой, но и вопросами, связанными с психиатрическим дискурсом, в том числе с аутизмом (что совершенно не случайно, но об этом мы скажем более подробно ниже), ввёл следующий критерий демаркации между гуманитарными и естественными – в первую очередь физическими (как парадигмальными) – науками. Если феномены какой-либо дисциплины можно достоверно воспроизвести без предварительной привязки к определённому теоретическому дискурсу, тем ближе они приближаются к практике физических наук. С другой стороны, чем больше достоверность зависит от предшествующей теоретической приверженности, тем больше дисциплина приближается к практике гуманитарных наук. Так вот, аутизм интересует нас, да и самого Я. Хакинга, как находящийся посередине, как соединительное звено между гуманитарными и физическими науками. Причём не просто как ещё одна в ряду очень многих других междисциплинарных областей.

¹⁹ Thomson, R. G. *Extraordinary bodies: Figuring physical disability in American culture and literature*. – New York: Columbia University Press, 2017, P. 7.

²⁰ Nadesan, M. H. *Constructing autism: Unravelling the 'truth' and understanding the social*. – New York: Routledge, 2013.

«Тёмные» истоки аутизма

Известно, например, насколько появление диагноза аутизма тесно переплетено и изначально обусловлено связью с историей нацизма. Сам диагноз «аутистической психопатии» Аспергера возник из ценностей и институтов Третьего рейха. Третий рейх был режимом, одержимым сортировкой населения по категориям, каталогизируя людей по расе, политике, религии, сексуальности, преступности, наследственности и биологическим дефектам. Затем эти ярлыки стали основой преследования и уничтожения отдельных людей. Нацистская евгеника была направлена на то, чтобы переопределить и каталогизировать состояние человека. Особое внимание при этом уделялось разуму. Врачи, жившие во времена нацизма, дали названия, по меньшей мере, тридцати неврологических и психиатрических диагнозов, которые всё ещё используются современной медициной. Нейропсихиатры сыграли значительную роль в медицинской чистке общества, в развитии принудительной стерилизации, экспериментах на людях и убийствах тех, кого считали «инвалидами».

Нацистская психиатрия стала тоталитарным подходом к наблюдению и лечению детей. Чтобы исследовать не только отдельные симптомы, но характер ребенка полностью, психиатру требовалось полное знание о его поведении и личности. Это означало тотальное наблюдение, при котором отмечались и фиксировались даже самые лёгкие отклонения в поведении, что, в свою очередь, расширяло возможности для постановки новых диагнозов.

Что именно диагностировалось? В кругах Г. Аспергера «правильная» раса и физиология были необходимы для вступления в национальное сообщество (Volksgemeinschaft). Но также требовался и «дух сообщества». Нужно было верить и вести себя в унисон с группой. Жизнеспособность немецкого народа зависела от способности отдельных людей чувствовать этот «дух» и этот «унисон». Коллективные эмоции стали частью нацистской евгеники. В связи с этими потребностями, Г. Аспергер и его коллеги разработали термин 'Gemut'. Этот термин первоначально означал «душу» (в XVIII веке), а в нацистской детской психиатрии стал обозначать метафизическую способность к социальным связям. Нацистские психиатры начали диагностировать детей, у которых, по их словам, был плохой 'Gemut', которые создавали более слабые социальные связи и не соответствовали коллективистским ожиданиям. Они создали ряд диагнозов, подобных аутизму, таких как, например, "gemutsarm" [«отсутствие Гемута»] задолго до того, как Г. Аспергер описал аутистическую психопатию в 1944 году, которую он тоже изначально определял как дефект Gemut'a.

Таким образом, диагноз аутизма не возник полностью сформированным, *sui generis*, но появлялся постепенно, формируемый ценностями и взаимодействиями областей психиатрии, государства и общества. Нечёткая терминология позволяла легко преодолеть различия между социальными и медицинскими проблемами. Такие ярлыки, как «пренебрежение», «угроза», «асоциальность» или «трудности в обучении», охватывали целый ряд самых разных проблем. Ребёнок может быть болен, он плохо себя ведёт, плохо воспитан, имеет когнитивные нарушения или просто беден. «Отсутствие общественной компетентности» стало социально-медицинским заболеванием. Эти ярлыки также имели серьёзные практические последствия. Социальные работники использовали их в качестве названий в своих графиках и отчётах, при оформлении истории болезней, постановке и формулировке диагнозов.

Важнейший вклад в эти работы по развитию ребёнка в этот период внёс «венский психоанализ». В Вене 1920–30-х годов было много пионеров психоанализа, таких как Август Айхорн, Шарлотта Бюлер, Хелен Дойч, Анна Фрейд, Германа Хуг-Хельмут и Мелани Кляйн. Именно психоанализу принадлежит максима: истина – это то, что никак не связано с разумом!!! Истина всегда высказывается бессознательно. Совершенно в духе того пограничного положения аутизма – как связующего звена между гуманитарным и физическим знанием

– психоанализ рассматривает личность как эффект от столкновения этих двух «материковых плит», только в последнем случае носящих название сознательного и бессознательного, соответственно.

Следует упомянуть и об отношении самого Г. Аспергера к нацизму и фашизму. Тут следует отметить его знакомство в 1934 году в Лейпциге с психологом и философом Людвигом Клагесом. Аспергеру понравился акцент Клагеса на эмоциях в противовес интеллектуализму. Именно этот акцент он позже признал центральным в своей собственной мысли. Клагес противопоставлял идею германской «души» более рациональному западному «разуму», и его работа стала важной для нацистской идеологии.

Мода на аутизм

Почему же тогда истории об аутизме стали так популярны именно сегодня, хотя ещё четверть века назад их практически не существовало? Большинство историй датируются периодом не раньше 2000 года. Я. Хакинг по этому поводу отмечает, что идея о наличии у эпох «своих» патологий существует по крайней мере со времён книги Сюзен Зонтаг «Болезнь как метафора» (1978). Одной из её тем было то, что у каждой эпохи есть своя болезнь, которая говорит одновременно нечто важное как об эпохе, так и о «её» болезни. Так, например, туберкулёз был культурным и моральным маркером XIX века. Рак (онкологию) Зонтаг выделила как патологию своего времени (1970-е годы). Позже Зонтаг применила аналогичные размышления к бедствию 1980-х годов в работе «СПИД и его метафоры» (1989). Сам Хакинг отмечает, что не следует ставить под сомнение реальность аутизма, так же как Зонтаг не сомневалась в реальности рака. Это говорит лишь о том, что повышенная осведомлённость об аутизме может отражать некоторые важные черты нашего времени.

Особое внимание при этом Хакинг уделяет тому, что он называет «преходящими психическими заболеваниями», под которыми он подразумевает «болезни, которые появляются в определённое время, в определённом месте, а затем исчезают». Более распространенный термин для таких «заболеваний» – «культуральные синдромы». Хакинг причисляет истерию к такого рода проходящим болезням, а также посвящает большую часть книги «Безумные путешественники: размышления о реальности временных психических заболеваний» (1998) культуральному синдрому «фугу». Он и ему подобные расстройства «проявляются только в определённое время и в определённых местах по причинам, которые, как мы можем только предполагать, связаны с культурой тех времён и мест»²¹. Дело не в том, что реальные люди не страдают от реальных симптомов; скорее, сущности этих болезней являются временными и случайными способами их группировки и обозначения. К ним, пусть и с осторожностью, Хакинг причисляет и аутизм.

Но сегодня речь идёт не только и, возможно, даже не столько об аутизме как синдроме эпохи, а о появлении целой «аутистической культуры» как отсылке к культурным явлениям с характеристиками автореферентности, которые существуют параллельно с описанными медициной симптомами. Недавние исследования аутизма выявили спорное, а иногда и противоречивое понимание «аутистического спектра», так что обозначилось разделение между теми, кто утверждает, что аутизм является генетическим расстройством (и впоследствии верит в возможность определённого, с медицинской точки зрения, лечения этого состояния), и теми, кто утверждает, что аутистическое состояние является на самом деле «эффектом» эволюции человеческого вида.

В последнем случае речь идет даже о популяризации аутизма, моде на аутизм, превращении его в норму, более того, в нечто престижное и манящее, притягательное в своей загадочности и гениальности. Обычно при слове «аутист» мы представляем высокообразованного мужчину, который может целеустремлённо сосредоточиться на определённой цели в ущерб своей заботе о других людях. Этот мужчина может быть выдающимся учёным или художником, которому, похоже, всё равно, что о нём думают другие. Иногда он является учёным, который хоть и не отличается особой изобретательностью, но обладает способностью приобретать и сохранять массу информации. Он, как правило, не любит новизны и часто жёстко придерживается своего собственного мнения. Быть «немного аутичным» может быть приятным оправданием для людей, которые особенно одержимы своими собственными интересами или делом и не желают учитывать точку зрения других людей. Это также может быть отличным комплиментом!

²¹ Straus, J. N. Autism as culture / The disability studies reader. – 2013. – Т. 4. – P. 460–484.

Проблема здесь в том, что происходит смешение миров – аутичного и нормального. С точки зрения философии эту тенденцию можно описать как переход от «идиографического» подхода к «номотетическому» и обратно. Суть идиографического подхода: Ты попал в чужую культуру. Как её понять? Суть номотетического подхода: Чужой попал в твою культуру. Как ему объяснить, что здесь происходит? В первом случае легко впасть в крайность «солипсизма», когда коммуникация между культурами невозможна, поскольку нет единого основания для сравнения. Во втором случае происходит выхолащивание, предельная «универсализация», редукция к самому примитивному.

Но дело на этом не останавливается. Например, психиатр Майкл Фицджеральд посмертно «диагностировал» синдром Аспергера у писателей, художников и музыкантов, в том числе Уильяма Батлера Йейтса, Сэмюэля Беккета, Винсента ван Гога, Энди Уорхола, Людвиг ван Бетховена и Эрика Сати²². Идентификация «доисторических» (то есть до 1943 года, поскольку официально считается, что Лео Каннер впервые ввёл в научный оборот термин «аутизм» именно в этом году, тогда как Ганс Аспергер написал свою работу с использованием этого же термина ровно тогда же, но опубликовал её только год спустя, в 1944 году) фигур с аутизмом стала индустрией, и было предложено много имён, в том числе Ханса Кристиана Андерсена, Льюиса Кэрролла, Чарльза Дарвина, Томаса Джефферсона, Альфреда Кинси, Стэнли Кубрика, Николы Тесла, Энди Уорхола, Вольфганга Амадея Моцарта, Микеланджело, Германа Мелвилла, Белы Бартока и т. д.

Существует обширная литература об аутичных учёных. Британский психолог Саймон Барон-Коэн утверждает, что аутизм может быть связан со способностями к наукам²³. Он предположил, что может существовать связь между аутизмом и научным талантом. Барон-Коэн называет по меньшей мере шестерых учёных и математиков, у которых был аутизм: Исаак Ньютон (1643–1727), Генри Кавендиш (1731–1810), Мария Склодовская-Кюри (1867–1934), Альберт Эйнштейн (1879–1955), Ирен Жолио-Кюри (1897–1956) и Поль Дирак (1902–1984). Лорна Винг, которая является автором термина «синдром Аспергера»²⁴, и который она ввела в научный оборот в начале 1980-х годов, также назвала Альберта Эйнштейна кандидатом на ретроспективную диагностику синдрома Аспергера (высокоинтеллектуальной разновидности аутизма). Если это правда, то может заставить нас переосмыслить природу как науки, так и аутизма.

Действительно, ещё в конце XVII – начале XVIII века на Британских островах многочисленными были слухи об «эксцентричности» Исаака Ньютона – хотя бы потому, что люди не могли поверить, что человек такого гения может быть «нормальным». Например, все знали, что он имел «странность» оставлять свой обед на несколько часов, а затем на завтрак съедал его уже холодным, потому что был так поглощён своими занятиями. Даже его собственные

²² Fitzgerald, M. Autism and creativity: Is there a link between autism in men and exceptional ability?. – New York: Routledge, 2004.

²³ Baron-Cohen, S. Mindblindness: An essay on autism and theory of mind. – Cambridge: MIT press, 1997.

²⁴ «Синдром Аспергера» – диагноз, введённый примерно в 1980 году Лорной Винг, британским психиатром. Название дано по имени венского врача Ганса Аспергера, который подчеркнул, что аутистические расстройства проявляются во многих различных оттенках и разновидностях, включая некоторые более «лёгкие» разновидности, и в том числе с высоким интеллектом. Он был одним из первых, кто выявил и описал аутизм не только у детей, но и у взрослых. Он называл такие случаи «аутичными психопатами», чтобы указать, что это состояние было не болезнью, а неотъемлемой частью чьего-то личного характера. Аспергер не определял то, что сегодня называется синдромом Аспергера. Тем не менее, кажется уместным, что синдром назван в его честь... Синдром Аспергера в настоящее время часто используется как синоним «высокофункционального» аутизма. Синдром Аспергера обычно считается именно лёгкой формой аутизма. Возможно, самым странным фактом о синдроме Аспергера является то, что он обычно вообще не диагностируется до 8 лет, а иногда и позже, зачастую вообще только в зрелом возрасте. В отличие от аутизма, развитие речи при синдроме Аспергера не задерживается, а, наоборот, зачастую является ускоренным. Кроме того, классический аутизм подразумевает отчуждённость, в то время как люди с синдромом Аспергера часто проявляют сильный интерес к другим людям.

студенты в Кембридже за глаза дразнили его, говоря что-то типа: «Вот идёт человек, который написал книгу, которую ни он, ни кто-либо другой не понимает».

На самом деле эта идея о связи между наукой и аутизмом восходит к Гансу Аспергеру. Обсуждая взрослую жизнь некоторых из его бывших пациентов-детей, Аспергер в статье 1979 года «Проблемы детского аутизма» утверждал: «Действительно, кажется, что для успеха в науке или искусстве необходима частичка аутизма».

Между прочим, Саймон Барон-Коэн является автором так называемого «коэффициент аутизма» (разработан в 2001 году), который определяется с помощью теста AQ ("Autism-Spectrum Quotient"). Этот тест изначально был разработан для двух целей: 1) измерения аутистических черт у людей с расстройствами аутистического спектра и 2) измерения аутистических черт у студентов STEM (science, technology, engineering, and mathematics). Но довольно быстро он начал использоваться как средство скрининга аутизма у любого взрослого (с «нормальным интеллектом») и продолжает распространяться для таких целей всё шире. Но насколько надёжным он может быть для остального населения? Собственно, судьба AQ в этом смысле (как под копирку) очень похожа на тест IQ, который используется сегодня для определения уровня интеллекта и выявления самых способных к обучению личностей, хотя изначально разработан исключительно для определения тех, кто НЕ способен к обучению наравне со всеми, то есть устанавливает только нижнюю планку, но ничего не говорит об одарённости!

Примерами художественных литературных произведений, в которых героев ретроспективно можно записать в аутисты называют «Улисс» и «Поминки по Финнегану» Джеймса Джойса, «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта, «Робинзон Крузо» Даниеля Дефо, «Алиса в стране чудес» Льюиса Кэрролла, «Мёрфи» и «В ожидании Годо» Сэмюэля Беккета, «1984» Джорджа Оруэлла, «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте, «Бартлби, писец» и «Моби Дик» Германа Мелвилла, «Шерлок Холмс» Артура Конан Дойла, «Автобиография» Уильяма Батлера Йейтса, «Барнеби Радж» Чарльза Диккенса, «Талантливый мистер Рипли» Патриции Хайсмит, «фантастический аутизм» Франца Кафки, Хорхе Луиса Борхеса, Алена Роб-Грийе... Может показаться, что вся значимая литература написана об аутистах, что величайшими художественными произведениями были рассказы об аутизме.

Лучшим примером повествования об аутизме (или аутичным повествованием?) является «Алиса в стране чудес» Льюиса Кэрролла. Здесь нет причин и следствий, но есть случайный мир – то ли за пределами науки и логики, то ли исключительно внутри науки и логики. В книгах об Алисе Л. Кэрролл в значительной степени опирался на включение фрагментов текстов других авторов – в каком-то смысле роман можно рассматривать как «сборник вырезок» из его любимых литературных произведений.

Это очень похоже и на стиль Джеймса Джойса, по поводу которого наиболее обоснованно доказано, что он страдал аутизмом, и, соответственно, неудивительно, что писал «аутичные» тексты. (И да, Джеймс Джойс, как и Джонатан Свифт, и, наконец, Джордж Беркли, были ирландцами²⁵.) Джойс, как и многие люди с аутизмом, были одержимы языком и писали необычным способом. У Л. Витгенштейна была своя уникальная манера писать маленькими абзацами.

«Робинзон Крузо» – это во многих отношениях книга об изоляции, о заточении в собственном одиночестве, постоянная тема в популярных представлениях об аутизме. Этот тон изоляции усиливается, с точки зрения текста, тем, что многие считают своего рода эмоциональным дефицитом в повествовании. Например, Чарльз Диккенс, хотя и был поклонником романа, тем не менее, удивлялся его странной бесстрастности. Для него это был единственный пример универсально популярной книги, которая никого не могла заставить ни смеяться, ни плакать. Повествование Крузо на протяжении семи страниц, где он описывает процесс приго-

²⁵ Fitzgerald, M., Walker, A. Unstoppable Brilliance: Irish Geniuses and Asperger's Syndrome. – Dublin: Liberties Press, 2015.

товления хлеба, очень похоже на «Моби Дика», где целые главы посвящены скрупулёзному описанию подробностей быта или ремесла, казалось бы, совершенно посторонних и избыточных для понимания сюжета и характера героев.

Карл Густав Юнг провёл замечательный анализ «Улисса» Джеймса Джойса²⁶. В нём Юнг подчёркивает, что Улисс – не Одиссей! Если Одиссей – это активный герой, то у Джойса мы сталкиваемся с абсолютно пассивным восприятием мира – это описание существования даже не на уровне чувств, а самых примитивных ощущений. Фотографическое восприятие мира. Такой текст можно читать с любого места. Ничего не изменится. Как ленточный червь, которого можно разрезать пополам и будет два червя и т. д. У этого червя только симпатическая нервная система – без мозга. Это то, как воспринимают мир существа, у которых нет мозга, разума, сознания. Здесь нет различения, границы между внутренним и внешним. Текст «Улисса» по объёму – примерно 750 страниц. Но ничего бы не изменилось, если бы было 1500 страниц. Или, наоборот, только 75. Суть не поменялась бы. Потому что её просто нет. И не может быть. Юнг признаётся, что «Улисс» его раздражает. Единственная причина, по которой он взялся за него, заключается в его большой и стойкой популярности и влиянии, в причинах которых он хочет разобраться, что блестяще и делает.

Есть мнения о том, что Стив Джобс, Алан Тьюринг, Билл Гейтс, Маршалл Маклюэн – тоже аутисты, и вообще синонимом «аутиста» являются сегодняшние его «аналоги» из цифрового мира – «гик» (geek) или «киборг» (cyborg). Но к этому вопросу мы более подробно вернёмся чуть позже.

Отсюда можно сделать промежуточный вывод о том, что дискурс об аутизме представляет собой в значительной степени воплощением идеи о гении-одиночке, который «всё решит». И здесь мы можем найти первую, пока довольно зыбкую, но всё же важную точку соприкосновения с Джорджем Беркли и его философией, поскольку наш главный герой в этой, первой главе, жил в эпоху Просвещения (середина XVII – конец XVIII веков), суть которого как раз и заключалась в переходе от идеи «гения-одиночки», столь характерной, например, для эпохи Возрождения, к идее «гения-человечества». Сам Джордж Беркли по этому поводу высказывался довольно однозначно, а именно, что его философия является «метафизикой для толпы (для масс)» (metaphysics for the mob).

²⁶ Jung, C. G. Collected Works of CG Jung, Volume 15: Spirit in Man, Art, And Literature. – Princeton: Princeton University Press, 2014.

Аутизм = Солипсизм?

И вот тут мы приходим к закономерному, но почему-то чаще всего игнорируемому факту, что философия давно имеет дело с «аутизмом». Например, нередко можно встретить прямую аналогию между монадами Лейбница и аутизмом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.